

Волк Медный Лоб

В некотором было царстве, в некотором было государстве, не в нашем королевстве, царь охотой занимался, и заплутался он в лесу. Детей у него не было, только двое с царицей жили. Царица была брюхата. Плутал он месяц, и два, и три, и без него жена родить собралась и родила сына. Царь проплутал, охоту никакú не поймал; едет путем-дорогой и встретил Волка Медный Лоб; вынул ружье и целится в него; хлопнул — и мимо, да хоть и попал да не убил. Волк Медный Лоб разинул рот и бежит к нему. «А теперь-то я тебя съем!» Царь говорит: «Не ешь, Волк Медный Лоб!» — «Нет, не расстанусь, съем! Отдай чего дома не знаешь — не буду есть». Царь согласился. Ну, хорошо. Приезжает царь домой, а жена сына ему родила. Подносит царица сына к царю. «На, — говорит, — поняньчай, тятенька!» Говорит царь со слезами: «Он не наш!» — «Чей же?» — «Я отдам его Волку Медному Лбу». Волк приходит и спрашивает: «Ваше величество, подайте мне чего дома вы не знаете!» — «Погоди, Волк Медный Лоб, дай мне сына растить до двенадцати лет: я хоть полюбуюсь на него». Ну, Волк Медный Лоб согласился подождать. Прошло двенадцать лет; царь выстроил себе огромный подвал и спрятался в нем, и завалили его там. Через двенадцать лет приходит Волк Медный Лоб; а в доме нет никого, одна старушка. «Баушка, где царь с царицей?» — «Я не знаю». — «Сказывай, а то съем!» — «Возьми вон кочергу, брось ее, она тебе скажет, где они!» Волк Медный Лоб кинул кочергу; кочерга и встала на этом месте где они. Волк Медный Лоб давай рыть да копать, и дорылся. «А, вы здесь!» Взял мальчика и понес. Унес в темный лес; там у него деушка была двенадцати лет и домик выстроен. Стал он им корму таскать, заготовил на день, на два. Через два дни пища подошла, Волк Медный Лоб пошел опять промышлять и говорит им: «Не ходите, сидите: я вам корму принесу!»

Летит превеличающий ворон: «Карк, карк, Иван-царевич! Крак, карк, красная девица! Садитесь на меня, я вас доведу!» — «И... и..., — говорят, — где тебе довести?» — «Садитесь!» Они сели и полетели. Волк Медный Лоб прибежал и пищи им принес. Их в доме нету. Чует Волк Медный Лоб, что ворон их унес; ударился об землю и пустил в небо огненно пламень и догнал этим пламенем ворона, и подпалил ему крылья. Ворон на землю упал, а он их всех троих забрал. Привел в свою келью и говорит: «Сидите теперь трое, ешьте, а я за пищей пойду». И ушел. Они трое на заваленке

сидят, плачут. Летит сокол и говорит: «Что вы плачете?» — «Вот нас Волк Медный Лоб домой не пускает». — «Садитесь на меня, я вас домой увезу!» Отвечает Иван-царевич: «Где тебе? Нас ворон и то не унес». — «Садись!» Сели и полетели шибко. Волк Медный Лоб пришел, видит: никого нет; ударился об землю, распустил пламя по небу и опалил соколу крылья. Упал сокол, стало четверо. Сидят. Волк Медный Лоб всех кормит, а ничего над ними не делает. На утро опять за пищей пошел. Бежит бык. Они на заваленке сидят, плачут. «Что, Иван-царевич, плачешь?» — «Как не плакать? Нас Волк Медный Лоб не пускает». — «Садитесь, я вас увезу!» — «Где уж вам? Нас ворон не унес, и сокол не унес, а тебе, быку где убежать!» — «Садитесь, знай!» Сели все четверо и поехали. Пришел Волк Медный Лоб — опять нет дома никого. Взвернулся, встряхнулся и побежал. Так бежит, лишь земля дрожит. Бык учуял, что земля дрожит — остановился. «Ах, — говорит, — Иван-царевич, догонят!» Отдохнул да еще примахнул; устал, опять стал. «Ах, Иван-царевич, устал я! Догонят! Слезай с меня, бери ножик, обрежь у меня шкуру на шее и на ногах, бери за хвост и тащи долой!» Иван-царевич слез, обрезал шкуру, дернул за хвост и шкуру содрал. Это дело было близ моря. Бык и говорит: «Бросайте эту шкуру на море, плывите на ту сторону!» Вот они бросили шкуру на море и отплыли. Не успели они десяти сажень отплыть, Волк Медный Лоб уж у берега. Кидался, метался, просил их воротиться, а они взяли и уплыли.

Стало девице Волка жаль; начала она смущать Ивана-царевича: «Пойдем, воротимся!» Он не согласился. Переплыли на ту сторону, приплыли в берегу, а Волк Медный Лоб тоскует об них, жалеет. Шли они вдоль бережку и стоит избенка. Взошли в нее, Богу помолились, старушке поклонились. «Ба, ба, Иван-царевич, здорово!» — «Здорово, баушка!» — «Как вы сюда попали?» Он рассказал. «А, знаю, — говорит, — Волк Медный Лоб мне брат». Иван-царевич обрбел. Пожили они тут немножко; старушка и говорит: «Вам здесь не житье. Еще подальше келейка стоит, там живите. Я вам от скуки дам Кутышку да Мурлышку» (кота да кошку). Вот Иван-царевич стал с семьей: ворон с ним, сокол, Кутышка да Мурлышка. Ушли в другую келью и ночевали там ночку. Поутру встали; Иван-царевич на охоту собираются; сокол и ворон, и Кутышка, и Мурлышка все с ним. Набил дичатины несколько; принес, стали ужин варить. Наелись и спать легли. Ночь переспали. Иван-царевич опять на охоту пошел, а красная девица, его родная сестрица, раскинула бычью шкуру и марш на ту сторону. Переплыла на ту сторону, и нашла Волка Медный Лоб и перевезла его на шкуре к себе. Хотят они Ивана-царевича извести. Вот, только он к ней переплыл, идет Иван-царевич с охоты. Волк Медный Лоб заметался, закидался, Ивана-царевича испугался,

ударился об землю и оборотился булавкой, и воткнула она его в стену. Пришел Иван-царевич и говорит: «Сестрица, сбири-ка нам пообедать». Кутышка, Мурлышка и обедать не садятся — бегают по избе, по стенам машут, ногтями пол царапают, бросаются на стену. Иван-царевич и говорит: «Что это, сестрица, у нас?» — «Не знаю», — говорит. Легли, опять ночь проспали; по утрам на охоту пошли. Приходят с охоты — им и пообедать нечего. Научил ее Волк Медный Лоб: «Захворай, — говорит, — и пошли его в такое-то место: там есть волчица, чтобы он ее нашел; вели ее подоить и молока принести, да лепешек напечі. Лепешек намесит, наешься и будешь здорова; а он пойдет волчицу доить — она его разорвет».

Приходит Иван-царевич с охоты, она лежит крепко больна и поест нечего. Он и так и сяк спрашивает: «Что ты, сестрица?» — «Я, — говорит, — больна. Сходи к волчице, надои мне молока, да принеси мне!» Иван-царевич взял орудие свою и пошел, и нашел олчицу под корягой; лежит, детей кормит. Он прицелился, бряк ее из ружья, и попал в ухо. Волчица говорит ему: «Что ты, Иван-царевич, на што меня оглушил, унес у меня веку? Я тебе и без этого дам молока. Давай посуду — надою!» Иван-царевич подставил кувшинчик, она и надоила, и заткнула. «Ступай, неси! Да на вот тебе в гостинцы нет лучшего моего волченка!» И сказала волчица волченку: «Служи, как мне служил!» Пошел Иван-царевич, куды ему нужно, приходит домой. Волк Медный Лоб в окошко смотрит, видит, что Иван-царевич молоко несет. А девица лежит, хворает. Видит Волк Медный Лоб, что дело плохо, ударился об землю, оборотился иголкой. Она опять в стену его воткнула. Кутышка да Мурлышка бегают шумом по избе, нюхают. Девица вылила молоко на пол, лепешки не затеяла; опять лежит, стонет. Иван-царевич ласкается к ней, ходит за ней, не знает чем лечить. Она не хворает, а только зло умышляет. «Братец, — говорит, — это лекарство мне неугодно». Научил ее Волк Медный Лоб сказать: «Пошли его в лес, чтобы нашел медвежиху и подоил бы ее». Красная девица и говорит: «Иван-царевич, поди добейся мне медвежьего молока!» Тот пошел в лес с своей охотой. Приходит в темный лес и нашел там берлог, где медвежиха лежит; прицелился, бряк в ухо. Та и говорит ему: «Зачем ты мне, Иван-царевич, веку убавил: я тебе и так дам!» Нацедила ему молока и дала что ни есть лучшего медвеженка.

Принес Иван-царевич медвежьего молока, а девица все больная лежит, стонет. Волк Медный Лоб научил ее послать Ивана-царевича к львице, добыть у нее молока. Иван-царевич взял свою охоту, поехал. Увидел львицу в лесу, бряк в нее из ружья и угодил в ухо. Львица и говорит: «За что ты

мне, Иван-царевич, веку убавил? Я тебе молока и так дам!» Нацедила ему в кувшин молока и дала что ни есть лучшего львенка. Привез Иван-царевич девице львиного молока. Волк Медный Лоб видит, что его ничем не возьмешь и научает девицу: «Пошли его за семь верст, там есть чёртова мельница, пускай он с нее достанет пыли. Скажи ему, если из той пыли намесить лепешек, ты здорова будешь. В этой чёртовой мельнице семь дверей железных, он пойдет туда, сам выйдет, а охоту там оставит». Не столь его, сколько охоты, знашь, боится.

Иван-царевич отправился туды, пришел на чёртову мельницу; все двери на ней растворены. Иван-царевич пыли намёл и охоту за собой завел. Пошел с пылью назад, двери за ним и затворились, охота за дверями осталась. Один сокол с вороном наверху, на мельнице сидят. Пошел Иван-царевич к сестре, приходит; встречает его Волк Медный Лоб и говорит: «А, голубчик, топерь ты ко мне попался! Топи перва баню: будешь помягче, а то не угрызешь!» Иван-царевич истопил баню, сам горько плачет. Волк Медный Лоб пришел к нему: «Топи скорее! Есть хочу!» Он топит и плачет; а его охота помыкается по мельнице, работают шумом, двери ломают. Мишка ломат, только треск идет. Черный ворон прилетает к Ивану-царевичу и говорит: «Потерпи немножко: три двери прогрызли». Обратился назад, к охоте. «Поскорее, — говорит, — старайтесь! Последние наши минуты!» Полетел сокол к Ивану-царевичу, а он уж и баню истопил. «Повремени малость: остальну дверь ломают!» Вот Волк Медный Лоб всходит в баню, велит ему рубаху скинуть: парить хочет. Сокол усмотрел и понесся к охоте. Охота навстречу летит: все двери прогрызли, Кутышка с Мурлышкой всех впереди, а толстопятый мишка бежит — земля дрожит. Волк Медный Лоб и говорит Ивану-царевичу: «Лезь на полбк!» А Иван-царевич ему говорит: «Погляди через порог! Что там есть?» Он обернулся: Кутышка да Мурлышка — прямо за глаза; толстопятый Мишка начал ворочать, только шерсть летит! Изорвали Волка на мелкие части. Входит Иван-царевич к сестре: «Долго ли, — говорит, — будешь мучить меня?» Она пала на колени, просит прощенья. Он прощенья ее не принимал, взял, вывез ее в темный лес, подвесил ее за лесину вверх ногами, нажёл котел жару и поставил ей под голову. Жечь-то ее не жжет, а жаром-то берет. Сам пошел куды надо. Много ли, мало ли шел, дошел до избенки. В ней старуха живет. «Как же бы, — говорит Иван-царевич, — мне здесь отдохнуть и где бы мне охоту свою в холодок запереть?» — «Вон — в конюшню». Запер Иван-царевич охоту в конюшню, а сам в келью вошел. «Сбери-ка, баушка, мне чего-нибудь поесть!» Она его покормила, что у ней случилось. У него так сердце закипело: жалко сестру стало, и говорит: «Ну, баушка, я ворочусь; дельце есть». — «Ты туды пойдешь да и не придешь?»

— «Если меня живого не будет, так тебе в дверь кровь нальется. Выпускай тогда мою охоту». Пошел к сестре — висит она верх ногами на сосне и просит прощенья: «Не буду, — говорит, — ни впредь, ни после!» Вот он ее отвязал и с дерева снял. «Ну, сестрица, вины я на тебе не ищу, только впредь ничего не делай! Пойдем со мной». Шла она, шла, да после Волка зуб и нашла, в пазуху спрятала. Шли, шли путем-дорогой, на Ивана-царевича дрема́ напала; лег он отдохнуть и говорит: «Поищи-ка в голове!» Вот она стала в головушке искать, а в ухо ему стала волчий зуб совать. Как в ухо засунула, так он и умер. К баушке кровь, как вода, льется; его охота из конюшни рвется, что йхова хозяина в доме нет и не жив. Выпустила их баушка из конюшни, и полетели они в путь-дорогу. Иван-царевич лежит на дороге мертвый. Кутышка да Мурлышка давай возле него шарить, искать, и нашли у него в ухе волчий зуб. Кутышка-Мурлышка медведю и говорит: «Тащи превеличающий камень и ложись за него, а ты, лев, за медведя ложись, а ты, волк, за льва; ворон, садись на древо; сокол — на другое!» Все сели по местам, как ясны соколы по гнездам. Кутышка-Мурлышка зачал шевырять и вытащил зуб из уха. Иван-царевич проснулся, на все четыре стороны оглянулся. «Ах, да как я крепко спал!» Кутышка-Мурлышка кричит своих товарищей: «Вставай, ребята! Хозяин жив!» Все встали, зуб под камень положили и завалили. А сестра-то в лесу спряталась. Иван-царевич и говорит своей охоте: «А подите, постарайтесь, найдите мне своего недруга!» Пошли они ее по лесу искать, нашли под корягой, подхватили и к Ивану-царевичу потащили. Привели. Иван-царевич в мелкие части ее изрубил и сказал: «Вот вам охота, мясо!» Пошли кто куды знат. Расстались, распрощались и по темному лесу разбрылялись.

(Абрам Новопольцев)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.